

доклад месту фармаконимов в системе имен собственных, а также их сопоставлению в польском и русском ономастиконах.

Торговые названия лекарственных препаратов во многих отношениях являются особым типом онимов. Для их анализа исследователю необходимы знания не только в области языковедения, но и в области медицины, фармации, законодательства — лишь обладая всеми этими знаниями в комплексе, можно приступать к результативному анализу данной группы имен собственных. Соответственно, сравнение фармаконимов в разных языках и разных странах — довольно сложная задача, при решении которой необходимо учитывать различные факторы: как собственно языковые, так и внеязыковые.

В докладе будут представлены результаты сравнения польских и русских торговых названий лекарственных препаратов. Главные различия между ними лежат в областях медицины и права. Поэтому при изучении имен данного типа автором учитывались требования, определяемые министерствами здравоохранения Польши и Российской Федерации. В докладе предполагается подробно рассмотреть способы выполнения этих требований в польском и русском ономастиконах.

С. Торкар

Институт словенского языка Словенской академии наук,
Любляна (Словения)
silvot@zrc-sazu.si

Варианты форм с переходом $v > g$ и $b > g$ в словенской топонимии

Наблюдаемая в диалектах и памятниках письменности вариативность форм v и g , b и g имеет разную природу.

1. Вариативность протезы v - и g - в словах с начальным o -: ср. **ošenica* > ст.-слав. *жъшница*, болг. *въсѣница*, слов. топ. *Vuzenica* (1845 г., *v Vusenica*), рус. *гусеница*; **ožь* ‘змея’ > словен. *gož*, польск. *wąż*.

2. Появление g на месте v (редко также b) в результате иноязычной (латинской, немецкой) субституции славянского v (b) в антропонимии

и топонимии: *Sclaomir*, Abodritum rex (819 г.) и *sclagamarus*, princeps Marahensium (870 г.) [Miklosich, 1860, 97] из *Славомир*; *Slougenzin marcha* (860 г.), название земли [Kos, II, 132], возможно, из **Sloven-*, если не из германского антропонима [Ramovš, 1936, 4]; нем. *Schlammersdorf*, город в Баварии: *Slagamaresdorf* (1050 г.), *Slagemarsdorf* (1169 г.) [Schwarz, 1960, 258] из *Славомир*; *Slagómarje*, деревня в восточной Словении, в записях *Zlogomer* и т. п. начиная с XIII в., из **Slavomirje*; *Vižmarje*, часть Любляны, (*Geysmerstorf* и т. п.), из **Vyšemirje*; *Žimarice*, *Žigmarice* в Нижней Крайне (< **Živomirica*), нем. *Schigmaritz*; *Gladoméš*, топоним в Штирии < антропоним **Vladomyslъ*; *Visole, na Visolah*, в старых источниках *Gyzubel*, *Gisuebel*, windisch *Gissule* (1822 г.); *Golnik* в Верхней Крайне: *Wollenick* и *Wolnikh* (XV в.), *Glaunik* и *Glovník* (1689 г., 1823 г.), по-немецки впервые в 1483 г. как *Gallenberg*, объясняемые в работах Пинтара, Безлая, Сноя без учета средневековых записей из славянской основы **gol-* (как в *голый*); *Sogesclaua* (< **Soběslava*) и *Soguasclaua* (< **Soboslava*), имена славянских паломниц (IX–X вв.) [см.: Kos, II, 250, 253].

3. Изменение $v > g$ и $g > v$ фонетического характера:

$zv > zg$ в словен. *zvon* ‘колокол, звон’ > *zgon* и $dv > dg > g$ в *dvor* ‘часть двора, где находится навоз’ > *gor* [Štrekelj, 1922, 132; Ramovš, 1924, 160–161] с исторически засвидетельствованным отражением перехода $v > g$ в топониме *Zgonik* (вторая половина XVI в.); *gorica* ‘подворье’ < **dvorica* [Šivic-Dular, 1996, 447];

$v > g$ наблюдается в словенской топонимике: *Igovca*, название леса в окрестностях Триеста, из **Ivovica*, ср. в словаре Плетершника *iga* для *iva* ‘ива’ [Merkù, 2004, 148]; *Grulja*, гидроним в районе Карста < *vrulja* [Furlan, 2013, 137].

В отдельных славянских диалектах представлен вариант с начальным *g-* для **vorbyjъ*: словен. *vrábec* и *grábec* ‘воробей’ (в словарях еще в XVI в.), укр. *gorобец* [Bezljaj, IV, 349], ср. топоним *Grabče* (Верхняя Крайна) и *Vrabče* (Карст) с начальным *g-* (*Grabis* 1300 г., *Grabezh* 1668 г., *Grabische* 1782 г.) и с начальным *v-* (*Vrabitsch* 1499 г.) и даже без *g-* и без *v-* (*Rabtsche*, *Rabetsche* ок. 1780 г.);

$g > v$: *Radvanjca* (диал. для *Radgonica*) в Нижней Крайне и *Vodiča vas* (диал. для *Godiča vas*, нем. *Gödersdorf*) в австрийской части Каринтии;

$b > g$ предположительно находит отражение в двух исторических записях топонимов *Boričevo*, Нижняя Крайна: *Boriczha* 1368 г., *Boritsche*

1476 г., *Gorischew* 1477 г., *Goriczhevo* 1780 г., *Woritsche* 1823 г., *Borizhevo* 1843 г., *Boričevo* 1894 г.; из патронима **Borič* (< **Boritjъ*), от антропонима **Borislavъ*. Для топонима *Gorjansko* в приморской области Карст (*Wariansch* 1252 г., *de Voriانسo / Voriانسi* 1308 г., *de Goranschо* 1344 г., *de Goriانسo* 1352 г., *de Voriانسcho* 1358 г., *de Wriانس(h)o* 1404 г., *Goriانسk* 1494 г., *de Sgoriانسcho* 1525 г., *de Scuriانسchega, Sgoriانسchiega; de Goriانسcho* 1584 г. и *Koriانسo* 1692 г., *Coriانسo* 1642 г., *Goriانسca* 1780 г., *Goreانسka* 1819 г.) допустима возможность развития из **Dvorjansko*, но поскольку существует много случаев, когда начальное *v-* в XII–XIV вв. передавало этимологическое *b-*, можно исходить из **Borjansko*, а последнее от названия жителей **Borjane*. *Borjane* < ЛИ **Bor* < антропоним **Borislav* и т. п., но не из апеллятива *bor*, так как боровые деревья, как показывает палеонтологический анализ, здесь никогда не росли. Топоним *Gorjuše* (нем. *Gariusch*, в австрийской части Каринтии) и диал. *Brjuše*. Для топонима *Gorjuša* (к северу от Любляны) запись 1410 г. «*Nider gorius, gehulcz Werius*» отражает вариантное произношение с *g-* и с *b-*. Топоним *Godovič*, по свидетельству языковеда Пинтара [Pintar, 1913, 371], в соседней Полянской долине произносят как *Bodovič*. Топоним *Poštena vas* в Нижней Крайне в источнике 1780 г. записан как *Gostena* и как *Postenavasъ*. Весьма вероятно, что топоним следует реконструировать как **Gostenja vъsz* от личного имени **Gostenъ*.

4. Можно отметить случаи перехода *v > g* по диссимиляции. Ср. *Golovec* в центре Любляны (до середины XVIII в. записи *Volovec*, от личного имени **Volimir*); *Golovica*, нем. *Wolfnitz*, в Каринтии, *Válovca*, нем. *Wolfnitz*, в Каринтии, оба топонима из **Volovica*, от личного имени **Volimir*; *Črgoviče*, нем. *Tscherberg*, в Каринтии, из **Črvoviči*, *Golavabuka* в Штирии, из **Voljava bukev* («зобатый бук»).

Чальков М. Началното консонантно редуване *g- : v-* в славянските езици // Славистичен сборник: По случай VI Международен конгрес на славистите в Прага. София, 1968. С. 18–25.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Furlan M. Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 2013.

Kos F. Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku (do leta 1246). I–V. Ljubljana, 1902–1928.

Merkù P. Toponomastični ocvirki // Jezikoslovni zapiski. 2004. L. 10. Št. 2. S. 147–150.

- Miklosich F.* Die Bildung der slavischen Personennamen. Wien, 1864.
Pintar L. O krajnih imenih XII // Ljubljanski zvon. 1913. Št. 7. S. 365–371.
Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. II. Konzonantizem. Ljubljana, 1924.
Ramovš F. Kratka zgodovina slovenskega jezika. I. Ljubljana, 1936.
Schwarz E. Sprache und Siedlung in Nordostbayern. Nürnberg, 1960.
Štrelkelj K. Historična slovnica slovenskega jezika. Prevalje, 1922.
Šivic-Dular A. Slovensko gorica / zorica 'dvorišče', '(vaški) trg, ograda' // Slavistična revija. 1996. L. 44. Št. 4. S. 437–449.

Е. С. Узенёва

Институт славяноведения РАН, Москва
lenuzen@mail.ru

Культурный диалект болгар-мусульман Средних Родоп*

Доклад основывается на этнолингвистическом подходе к исследованию славянских диалектов: он базируется на идее о том, что «диалект (равно как и макро-, микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую, если народную духовную культуру выделять из этнографических рамок» [Толстой, 1995, 21]. Это дает возможность изучать факты традиционной народной духовной культуры с помощью лингвистических и, в более широком смысле, семиотических методов. Особое внимание в этнолингвистике уделяется исследованию ареальной дифференциации терминологической лексики народной духовной культуры в соотношении с экстралингвистическим контекстом. С. М. Толстая указывала, что «каждый термин, <...> входящий в лексическое поле культурной реалии, представляет собой как бы заглавие определенного текста, его вербальный символ, превращенный в наименование реалии» [Толстая, 1989, 221].

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00592а «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика».